

УДК 811.161.11:07

МЕДИАТЕКСТЫ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

М. Ю. Казак
А. А. Махова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
kazak@bsu.edu.ru*

В свете теории интертекстуальности специфика медиатекста, в частности журналистского текста, интерпретируется как открытость текста на уровне содержания, структуры, композиции. Прецедентность является разновидностью интертекстуальности на содержательном-смысловом уровне.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентность, модели интертекстуальности, культурный знак.

Новые перспективы в понимании медиатекста как открытого феномена – по отношению к действительности, культуре и другим текстам – формирует теория интертекстуальности. С опорой на идеи интертекстуальности в научный обиход вошли новые оппозиции: *текст – интертекст, сверхтекст, супертекст, гипертекст, прецедентный текст, поликодовый текст*, свидетельствующие о выявленных и обозначенных новых или относительно новых типах текста. По словам В. Е. Чернявской, слово «интертекстуальность» стало тем волшебным словом, которым пытаются открыть все двери, ведущие в «текстовый универсум» [20, с. 178].

Феномен интертекстуальности исследуется в различных подходах, классификациях и терминах (Р. Барт, Ю. Кристева, И. В. Арнольд, А. К. Жолковский, Е. А. Земская, Н. А. Кузьмина, Н. Пьеге-Гро, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская и др.). В самом общем виде интертекстуальность предстает как межтекстовое взаимодействие, «текст в тексте», «текст о тексте», отсылая к известным исследованиям в области герменевтики и теории «чужого» слова, к проблемам литературного влияния, заимствования, подражания, пародирования, плагиата, к различным текстовым трансформам. В работе Н.А. Фатеевой, опирающейся на концепцию французского лингвиста Жерара Женнета, в границах интертекстуальности выделяется несколько ее разновидностей – это *собственно интертекстуальность*, образующая конструкции «текст в тексте»; *паратекстуальность* (отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию); *метатекстуальность* (создающая конструкции «текст о тексте»); *гипертекстуальность* (осмеяние или пародирование одного текста другим); *архитекстуальность* (жанровая связь текстов); *интертекст* как троп или стилистическая фигура, *поэтическая парадигма* и др. [19, с. 121 – 157]. Таким образом, интертекстуальные механизмы обнаруживаются всюду, где есть следы «чужого» слова как на уровне содержания, так и на уровне формы, структуры, композиции.

Рассмотрим содержательные и структурные модели интертекстуальности в их проекции на медиатексты.

I. Собственно интертекстуальность, понимаемая как непосредственное сосуществование двух или более текстов в одном – в виде цитаты, намек или образа, является обязательным свойством медиатекстов. Характеризуя тексты массовой коммуникации, исследователи отмечают, что они существуют как гипертексты или интертексты, «в переключке с другими текстами, даже если последние явно не цитируются» [13, с. 170], медиатексты представляют собой «совокупность фраз бесконечных гипертекстов, где все является ссылкой друг на друга и бесконечным цитированием» [2, с. 110; 9; 14].

Цитатный материал в медиатекстах предстает в **двух** качественно разнородных **группах**. Первая разновидность связана с тем, что СМИ нацелены на отображение,

точнее, преобразование действительности. Журналисты черпают информацию из современной жизни, цитируя речи политиков и общественных деятелей, произнесенных накануне, отсылают к мнениям экспертов и профессионалов, дают отсылки к источникам информации (*по словам, как считает, по мнению, говорят, по непроверенным сведениям* и др.). Сама окружающая реальность является объектом цитации – **актуальной, актуализированной цитаты**, главное предназначение которой – повышать объективность, достоверность, верифицируемость текста. Именно эти цитаты и ссылки формируют в информационных и аналитических журналистских материалах описательный слой текста («содержательно-фактуальную информацию»), предъявляя «чужое» слово, т. е. мнение и позицию своего современника, в виде прямой или трансформированной цитаты.

Второй интертекстуальный слой в СМИ – это цитаты, обладающие лингвокультурологической ценностью и формирующие образ, оценку («содержательно-концептуальную информацию»). Этот цитатный фонд описывается чаще в таких терминах, как *прецедентный текст* и *прецедентный феномен*;

II. **Паратекстуальность**, или внутритекстовая открытость, как идея разложимости целого текста на его составляющие, представлена в печатных СМИ через отношения текста и заголовочного комплекса (тематическая полоса, рубрика, заголовок, подзаголовок, лид, подписи к фотографиям, «врезки» и др.). Данный аспект интертекстуальности не только раскрывает поступательное движение смыслов, развитие темы и идеи текста, но и организует на печатной полосе пространственную переключку текстов и их элементов;

III. Комментирующее, критически-оценочное обращение одного текста к другому, именуемое **метатекстуальностью**, является важным аспектом медиатекста. Массово-коммуникативные тексты относят к «вторичным текстам», в силу того что в них используются, систематизируются, сокращаются, перерабатываются и особым образом оформляются все другие виды текстов, которые считаются «первичными». Разные органы массовой информации в тех или иных формах как бы «дублируют» друг друга, создавая обзоры, перепечатавая наиболее важные материалы и формируя отдельные сообщения на одну и ту же важнейшую тему [15, с. 240].

В журналистике сложилась целая система жанров, отражающая связь оригинального текста с другими текстами, представленными в разных медийных структурах, медийных обстоятельствах и форматах (жанры аналитики и медиакритики, письма читателей, отклики на публикацию, реплики, обзоры и обозрения, дайджесты, переписка в интернет-журналах, блоги и др.). Таким образом, критически-оценочное соотношение первичных и вторичных текстов – важнейшая черта функционирующих в СМИ текстов и характерная составляющая творческой деятельности журналистов;

IV. Одна из моделей интертекстуальности именуется **гипертекстуальностью** и, согласно литературоведческим и лингвистическим подходам, соотносится с осмеянием или пародированием одним текстом другого (Ж. Женетт, Н. А. Фатеева и др.). Подобная модель может встречаться в текстах СМИ лишь в отдельных жанрах художественной публицистики. Что касается *интертекстуальных* и *гипертекстуальных* текстовых совокупностей, то они, безусловно, имеют общую черту, поскольку «содержат отсылку к другому тексту», в которой обычно фокусируется смысловая сторона указываемого текста [6, с. 177]. Вместе с тем термин *гипертекст* («больше чем текст») в настоящее время прочно закрепился за интернет-коммуникацией как средством хранения и передачи информации в виде системы отсылок. Гипертекст характеризуется и как «нелинейный разветвляющийся текст», позволяющий читателю самостоятельно избрать путь чтения («броузинг») по его фрагментам; и как «метод» объединения документов; и как «механизм» для структурирования компьютерных текстов; и как «форма» организации текстов. По этой причине вряд ли целесообразно переносить на бумажные носители понятие *гипертекста*, в котором система отсылок есть

способ существования любой информации, отнюдь не связанный с литературным или риторическим приемом;

V. Архитекстуальность (типологическая интертекстуальность) предполагает воспроизводимость в открытом множестве текстов одной и той же текстовой модели и относится к универсальным признакам текста вообще. Взгляд на интертекстуальность как текстовую категорию был предложен в 1981 г. Д. Дресслером и Р.-А. де Бограндом и затем утвердился во многих зарубежных, а позднее – российских исследованиях. Данный подход учитывает открытость текста по отношению к другим текстам на структурно-композиционном уровне, на уровне текстовых прототипов или моделей, отражающих функционирование того или иного типа / жанра текста в типичных или нетипичных для него коммуникативных условиях [20, с. 186].

Под влиянием внешних факторов в реальной жизни медиатекстов обозначилась яркая тенденция к контаминации, смешению жанров, монтажу текстовых моделей. Происходит заметная эволюция традиционной системы журналистских жанров, отражающая уход одних форм, появление других, актуализацию третьих, упразднение жанровых перегородок, свободную комбинацию нескольких текстовых моделей (работы Л. Е. Кройчика, Я. Б. Мисонжникова, А. Н. Тепляшиной, А. А. Тертычного и мн. др.). Процессы интеграции охватывают медиажанры в широком диапазоне, при этом особенно выразительна жанровая гетерогенность в рекламном творчестве. Другой процесс прослеживается на стыке журналистики и PR, между которыми значительно больше принципиальных различий, нежели сходства. Исследователи предупреждают о непредсказуемых социальных последствиях сращения текстов журналистики и PR («пиарналистики», в обозначении А. П. Короченского), влияющих как на структуру и коммуникативные процессы, так и на поведение и мировоззрение массовой аудитории в целом. Таким образом, жанровая гетерогенность в массовой коммуникации, с одной стороны, свидетельствует о естественной гибкости и подвижности границ текстов, но с другой стороны, актуализирует профессионально-этические и нормативные проблемы, регламентирующие пределы жанровых свобод.

Гетерогенность медиатекстов проявляется и в активном взаимодействии публицистического стиля с другими функциональными стилями и нелитературными формами национального языка, в расширении границ языка СМИ в сторону снижения стиля. Можно отметить и тот факт, что в функциональных стилях «в снятом виде» усматривается «глобальная интертекстуальность», служащая основой порождения человеком дискурса (О. Г. Ревзина);

VI. Проблема текстовой смешанности прослеживается не только на уровне содержания и композиции, но и на уровне **формы**. Исследователи отмечают, что при переносе классического текста в сферу масс-медиа текст получает новые смысловые оттенки и медийные добавки [4], приобретает расширительное толкование и – в итоге – выходит за пределы знаковой системы языка, приближаясь к семиотическому пониманию текста [18, с. 15]. Современные медиатексты как по форме создания, так и по форме воспроизведения являются *мультимодальными* [21, с. 22], *креолизованными* (Н. С. Валгина, Л. Г. Кайда), *поликодовыми* (В. Е. Чернявская), интегрирующими в едином смысловом пространстве разнородные компоненты (вербальные, визуальные, аудитивные, аудиовизуальные и другие). По сути, *медиатекст* есть «новый коммуникационный продукт», «коммуникационный конгломерат», особенность которого заключается в том, что он может быть включен в разные медийные структуры (вербального, визуального, звучащего, мультимедийного планов) и в разные медийные обстоятельства (периодическая печать, радио, телевидение, Интернет, мобильная и спутниковая связь и др.) [5, с. 10]. Качественные параметры текстов, функционирующих в массовой коммуникации, оказываются, таким образом, детерминированы развитием новых информационных технологий и техническими возможностями передающего канала, которые определяют степень «мультимодальности» текста (например, телетексты, гипертексты, компьютерные игры как один из видов медиатекстов). И даже

традиционные публикации трудно обозначить только как вид письменной речи, поскольку важным элементом газетного текста выступает визуальная составляющая, его графическое, шрифтовое, цветовое оформление. Для адекватного понимания газетного материала существенным оказывается *пространственный* параметр, выполняющий «определенную смыслообразующую функцию» [21, с. 22]: размещение на полосе, объем, соседство с другими текстами.

Явление интертекстуальности, охватывающее различные содержательно-структурные и семиотические стороны текстовой гетерогенности, пересекается с прецедентными феноменами в той части теории, где интертекстуальность понимается как сосуществование в одном тексте двух или более текстов в виде цитат, реминисценций, аллюзий, образов (первый тип интертекстуальности). Теория прецедентности является достижением российской науки: впервые прецедентный текст получил определение в исследованиях Ю. Н. Караулова как явление, значимое в когнитивном и культурном отношении, имеющее «сверхличностный характер» и обладающее свойством воспроизводимости и реинтерпретируемости [8, с. 216].

Мы исходим из того, что явление прецедентности является одной из разновидностей интертекстуальности, оно связано с понятием «сильного» текста (В. Н. Топоров), обладающего культурной значимостью для языковой личности и носителей языка в целом, и с понятием «текстов влияния» (Н. А. Кузьмина), вступающих в резонанс с читателем и рождающих новые метатексты. Следует отметить, что в массовой коммуникации прецедентно «сильными» текстами выступают два основных источника. Во-первых, это «классический», «хрестоматийный» культурный фонд (художественная литература, мифы, Библия, сказки, предания, устно-поэтические произведения, виды устной народной словесности, невербальные культурные знаки и др.). Другим мощным источником популярных цитат, хорошо знакомых среднему носителю языка, является медиадискурс, через который тиражируются и усваиваются тексты из различных дискурсов современности, прежде всего, политического, молодежного, рекламного. Фразы из телепередач, кинофильмов, анекдоты, рекламные слоганы, политические лозунги, имена известных людей, события из жизни представителей шоу-бизнеса и под. находятся в статусе прецедентных текстов относительно короткий промежуток времени [16] и обречены на забвение [10]. Поддержка статуса прецедентных текстов осуществляется через каналы массовой коммуникации, обеспечивающих «тотальную их рецепцию максимально широким кругом потребителей» (Н. А. Кузьмина). Неслучайно, средства массовой информации выступают сферой влияния, порождающей прецедентные единицы и контролирующей нашу культуру [11, с. 45], и, соответственно, приобретают статус культуuroобразующего феномена, демонстрирующего «черты риторического типа культуры готового слова» [1, 16] (ср. также работы Н. Ф. Алефиренко, Г. В. Бобровской, Т. Г. Добросклонской, Н. Б. Кирилловой, Н. И. Клушиной, В. Г. Костомарова, А. В. Полонского, И. А. Стернина, Г. Я. Солганика и мн. др.).

В журналистском тексте, как уже отмечалось, соседствуют цитаты двух родов: *актуальные* (оперативные), воспроизводящие выступления наших современников (политиков, общественных деятелей и под.), и *интертекстуальные* (прецедентные, фоновые), обладающие лингвокультурной ценностью. Первые – чаще формируют «содержательно-фактуальную», описательную информацию (документально подтверждают, иллюстрируют, расширяют речевое событие), вторые – «работают» на «содержательно-концептуальную» и подтекстовую информацию, выполняя креативную, экспрессивную, парольную, развлекательную функции в тексте [2; 7; 17 и др.].

Вместе с тем подобная делимитация «чужих» голосов является довольно условной, ибо в действительности цитатные пласты (актуальные и фоновые) тесно взаимодействуют, пересекаются, налагаются, выполняя одну или одновременно несколько функций. Именно так строятся «мозаичные» тексты Максима Соколова, интегрирующие в едином пространстве цитаты из современности и культурного фонда:

К. Райс пришлось проводить в страстных мечтаниях целых три с половиной года – обетование "Ле Монд" сбылось лишь на устроенном Д. А. Медведевым торжественном заседании по случаю 15-летия со дня принятия нынешней Конституции России. Следуя ленинским сценариям, революционер Доброхотов прервал речь Д. А. Медведева криком: "Позор поправкам в Конституцию, нужны свободные выборы!", после чего имел место традиционный диалог: "Молчи, дурак! Схватите дурака!" – "Не троньте, молись за меня, блаженный!". В том смысле, что Д. А. Медведев призвал: "Пусть остается, слушает. Откровенно говоря, Конституция для того и принималась, чтобы каждый мог выразить собственную позицию". После чего в рамках выражения своей собственной позиции сотрудники ФСО вынесли великодушного Доброхотова из залы (Мечта Кондолизы. Известия, 12.12.2008).

Информационным поводом для данного пассажа является инцидент, связанный с выступлением президента Д. Медведева на научно-практической конференции, посвященной 15-летию принятия Конституции РФ. Речь президента была прервана выкриками из зала: протестующим против поправок к Конституции оказался лидер движения «Мы» Роман Доброхотов. Произошедшее на конференции описывается через разнотипный цитатный материал, по сути формирующий полифоническое звучание текста: это а) слова Доброхотова («Позор поправкам в Конституцию...»), б) фрагмент сцены из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина и М. П. Мусоргского («Молчи, дурак! Схватите дурака!» – «Не троньте, молись за меня, блаженный!») и в) фраза Д. Медведева («Пусть остается, слушает ...»). Объемное восприятие реальной ситуации базируется на подготовленности читателя и его способности провести аналогии между событиями нашего дня и художественным текстом.

Другой фрагмент из этой же публикации воспроизводит событие, узнаваемое для многих, т. е. из области прецедентных ситуаций современной политики – «бросание» ботинок в президента США во время проведения пресс-конференции в иракской столице:

В отличие от хрестоматийных героев, которые пулям не кланялись (впрочем, про то, следует ли кланяться ботинкам, в хрестоматиях ничего не сообщается), главнокомандующий Д. Буш не стал успокаивать себя соображением «Разве пушки льются на царей?», а вместо этого, по его собственному признанию, «уворачивался и увертывался» – все ж таки 43-й размер. Увернувшись же, Д. Буш подобно Д. А. Медведеву произнес стандартные речи о пользе демократии и свободы выражения собственной позиции, однако, как и двумя днями раньше, у президента была своя собственная позиция, а у охранников – своя, причем куда более решительная, чем у сотрудников кремлевской «девятки». Т. Доброхотов покинул Кремль в полном здравии, тогда как его иракский товарищ по борьбе оказался под стражей, причем со сломанными рукой и ребрами (Мечта Кондолизы. Известия, 12.12.2008).

В первом предложении выстраиваются разные по статусу «фигуры интертекста» (термин В.П. Москвина): а) фразеологизм (кланяться пулям), б) фраза Пугачева из «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева» А. С. Пушкина («Разве пушки льются на царей?»), в) слова Д. Буша (по его собственному признанию, «уворачивался и увертывался»). «Фехтование» разностатусных цитат и онимов в конечном счете нацелено на сатирическую обрисовку темы «тираноборчества» в широком временном, культурном и геополитическом пространстве. Так, идея «тираноборчества» соединяет не только Москву, Киев, Иран, США, но Германию XV в., где произошла Крестьянская война «под знаменем Башмака». В таком же широком диапазоне сопоставляются текстовые персонажи: Р. Доброхотов – Ю. М. Слободкин (участник схожего политического прецедента 15-летней давности) – Мунтадар аз-Зеиди (корреспондент иракского телеканала «Аль-Багдадия») – бабка Параска («герой Украины», «украинская Шарлотта Корде»).

Сложноструктурированное интертекстуальное пространство текстов Соколова базируется на знаках из различных слоев культуры и не ограничивается цитатами, «хорошо знакомыми любому среднему члену национально-культурного сообщества»

(Б. Д. Гудков). Поэтому исследователи считают, что для текстов Максима Соколова особенно значима парольная функция, маркирующая отношения «свой/чужой» между автором и читателем [17, с. 34]. При отсутствии интертекстуальной или прецедентной компетентности, т. е. способности декодировать культурные знаки, анализируемые тексты остаются для читателей непонятными, зашифрованными. Например:

Тем временем отсеченный Б. Обамой страдавший член Республиканской партии США Д. Буш – кто скажет, что Егор Егорович в дни своего малоудачного правления не страдал? – поспешил тепло поздравить преемника, отправив ему телеграмму, завершающуюся словами «Желаю получить удовольствие» («and do enjoy yourself»). Склонность американского языка к расширительному употреблению слова "наслаждение" общеизвестна и часто служит для иностранцев источником соблазна. Телеграмма Егора Егоровича прямо-таки отдает «Египетскими ночами» (тоже в некотором роде африканский колорит, столь сегодня модный), могущими служить первоисточником для демократической присяги – «Клянусь... – о матерь наслаждений, // Тебе неслыханно служу, // На ложе страстных искушений // Простым наемником (народа Соединенных Штатов. – М. С.) всхожу». Судя по оставляемому наследству, наслаждений будет хоть отбавляй, а Егор Егорович напоследок явил себя как изрядная язва (Вашингтонские ночи. Известия. 07.11.2008).

Этот фрагмент текста – о победе Обамы на выборах в президенты США и поздравлении от потерпевшего неудачу *Егора Егоровича* (читай: Дж. Буша-младшего). Истолковывая двусмысленность поздравления «Желаю получить удовольствие», журналист обращается к историческому анекдоту о Клеопатре, интерпретированному в повести А. С. Пушкина «Египетские ночи». Свободное переключение культурных кодов в текстах Соколова ориентировано на активную роль читателя в понимании и расшифровке текстовых смыслов.

Анализ публикаций М. Соколова, представленных в пятничном номере «Известий» под рубрикой «Фельетон», позволяет говорить о том, что тексты мыслятся интертекстуально не только с точки зрения содержания, но и в аспекте структуры и композиции.

Определяя жанровую принадлежность этих публикаций, исследователи относят их или к новой разновидности фельетона – «публицистического», или к сатирическому комментарию. Обычно предметом отображения в текстах выступает не одно, а несколько политических и околополитических событий, разных по значимости и масштабности, серьезности, эпатажности, курьезности. Нанизывание реалий на единый смысловой стержень осуществляется с опорой на отдельную деталь, образ, маргинальный признак, ассоциативную связь, общность которых также содержит непrouстую загадку для аудитории. Особое место в текстах занимает графическая сегментация текста – членение на абзацы и их соотнесенность с серией заголовков, например: *Мечта Кондолизы / «Бойцы поминуют минувшие дни» / Снаряды 43-го калибра / Москва, Багдад и Киев / Маниакальный санитар* (Известия, 12.12.2008); *Вашингтонские ночи / «В наш советский колумбарий!» / Собор вице-стикеров / Пифагореец Морозов / Всеобщий катарсис* (Известия, 07.11.08).

Форсирование той или иной идеи доводится порой до «логического конца» – неправдоподобной или абсурдной ситуации. Так, через тему «инноваций» объединены не всегда объяснимые шаги политиков: желание оснастить «мусорные баки системой ГЛОНАСС»; попытки использования тепловой энергии канализации для отопления зданий; решение построить на территории психиатрической больницы многофункциональный торгово-развлекательный центр (*Эту инновацию почему-то решено задуть, что явно противоречит общему принципу градостроительной политики г. Москвы, согласно которому многофункциональные торгово-развлекательные центры суть альфа и омега нашего бытия. Странно отлучать от альфы и омеги людей с альтернативными психическими наклонностями*); реше-

ние членов Ачинского горизбиркома дать заявителю открепительный талон для досрочного голосования, в связи с тем, что он «летит на Марс»:

Возможно, председатель накануне читал «Аэлиту», где описывалось, как в послереволюционном Петрограде, невзирая на всю разруху, частными усилиями инженера Лося был построен аппарат для полета на Марс, а споспешествовал инженеру в полете красноармеец Гусев. Решив, что сегодня материально-техническая база уж точно более благоприятная, чем во времена Лося и Аэлиты, председатель решил, что почему бы и нет и что же препятствует выдать коммунисту Гусеву бюллетень (19.03.2010).

Негативный эффект использования прецедентов устанавливают обычно в «облегченных» СМИ (массовых, «желтых», бульварных изданиях), где вовлечение в медиатексты цитатного фонда очень часто осуществляется как «перетряхивание клише», даже не связанных между собой, что «ведет к дисперсии смысла и к отсутствию единой логики. В силу этого используемые в языке СМИ слова не образуют ни смыслового поля, ни относительно единства или хотя бы непротиворечивости многочисленных информационных сообщений, поэтому концептуальное осмысление и обобщение не является необходимостью (слова-маркеры, служащие для отсылки к определенному контексту, «неподлинному и несовершенному изложению»)» [2, с. 112].

В завершение следует констатировать следующее: через теорию интертекстуальности можно объяснять взаимодействие текстов в самых разных проекциях, обращаясь к содержательно-смысловым единицам текста, структурно-композиционному построению или «материи» текста, его семиотическим кодам. Категория интертекстуальности для текстов массовой коммуникации является его онтологическим свойством и гибким исследовательским конструктом, высвечивающим специфику медиатекста на содержательном, структурном и знаковом уровнях. Не случайно «прочтение» медиатекстов через призму «интертекстуальности» становится один из важных приемов при анализе материалов СМИ.

Список литературы

1. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М., 2011. – 392 с.
2. Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / Под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008. – С. 99 – 118.
3. Бобровская Г. В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. – Волгоград, Изд-во ВГПУ «Перемена», 2011. – 319 с.
4. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. – М., 2008. – 264 с.
5. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Язык современной публицистики: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. – М., 2007. – С. 7 – 12.
6. Земская Ю. Н. Теория текста: учеб. пособие / под ред. А.А. Чувакина. – М., 2010. – 224 с.
7. Казак М. Ю. Медиатекст как открытый тип текста // Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах. Доклады Международной научной конференции. – М., 2010. – С. 87 – 93.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 264 с.
9. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. – М., 2008. – С. 183 – 209.
10. Кузьмина Н. А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // «Медиаскоп», эл. журнал. Выпуск № 1. 2011 [электронный ресурс]: <http://www.mediascope.ru/node/755>
11. Моль А. Социодинамика культуры. – М., 2005. – 236 с.
12. Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 630 с.

13. Петренко В. Ф. Психосемантика массовых коммуникаций // Язык средств массовой информации; под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проспект, Альма Матер, 2008. – С. 170 – 182.
14. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. – М.: Высшая школа, 1979. – 224 с.
15. Рождественский Ю. В. Теория риторики: учеб. пособие. – М., 1996. – 482 с.
16. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 212 с.
17. Современный медиатекст: учебное пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
18. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. – С. 7 – 16.
19. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2006. – 280 с.
20. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М., 2009. – 248 с.
21. Чичерина Н. В. Медиатекст как средство формирования медиаграмотности у студентов языковых факультетов. – М., 2008. – 232 с.

MEDIA TEXTS IN TERMS OF THE THEORY OF INTERTEXTUALITY AND PRECEDENT TEXTS

M. Y. Kazak
A. A. Makhova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
kazak@bsu.edu.ru*

The article considers the interpretation of the openness of texts, especially journalistic ones, on the level of content, structure and composition. The interpretation of these specific features of media texts is based on the theory of intertextuality. Precedent texts share the features of intertextuality on the conceptual (content) level.

Key words: intertextuality, precedent texts, modes of intertextuality, cultural sign.